

Несмотря на сходство Города обжорства с сектой, здесь не действовали привычные для таких организаций законы, поэтому это место идеально подходило для того, чтобы спрятаться. К тому же Ван Баолэ заметил, что в городе не было никого, кого можно было считать врагом. Теоретически любой странник при наличии достаточной квалификации мог попасть в город, поэтому его населяла весьма разношерстная публика.

Местным такая открытость была на руку, так как в город постоянно приезжали чужаки. Еда была лишь инструментом для культивации. Чем больше людей будут хотеть обжорствовать, тем больше приобретут практики, культивирующие магический закон обжорства.

Такая необходимость приводила к кажущемуся хаосу в городе, но в местных порядках чувствовался определенная упорядоченность. Человеческая жизнь здесь ничего не стоила. Во главе угла стояла способность защитить себя.

"Как интересно".

Ван Баолэ улыбнулся. Ему начал немного нравиться этот город. Но самым главным было то, что у него здесь появилось своё дело.

— Где же катализатор этого заведения?

Ван Баолэ с прищуром посмотрел на женщину с распухшим лицом. Теперь она уже не выглядела, как обворожительная красотка. Как она могла отказать ему? Сразу после вопроса она хлопнула себя по груди. Её окутал свет, который сгустился в иллюзорную пластину. На ней было выбито множество рун, плотно сплетенных вместе. При взгляде на неё у человека невольно просыпался аппетит, словно это был вкуснейший деликатес.

Даже толстячок, карлик и повар, несмотря на жалкий вид, при виде пластины тяжело задышали. Похоже, они изо всех сил старались держать себя в руках. Очевидно, долго они не продержатся. Если пластину не убрать, они совсем скоро потеряют остатки самообладания и бросятся на неё, словно голодные звери.

Скользнув по ним взглядом, Ван Баолэ задумался, а потом взмахом руки приманил иллюзорную пластину, отчего все присутствующие в ресторане невольно подались в его сторону. Взяв её в руку, у него блеснули глаза. Он почувствовал, что этот катализатор на самом деле был намного меньше и тоньше семечка дао.

В сравнении с настоящим семечком попавшая ему в руки пластина была крохотной его частью. Одной десятичной. Поэтому её куда правильнее назвать нитью дао. Но даже её хватит, чтобы прикоснуться к магическому закону обжорства и получить квалификацию для культивации и постижения. Если представить магический закон в виде полноводной реки, то эта нить была небольшим её притоком. Из-за хрупкости и ограниченности этого притока уровень поглощения ауры будет не очень высоким.

Что до управляющей, без катализатора она ослабела. Ван Баолэ чувствовал, что в ней больше не было катализатора, но благодаря многолетней культивации этого магического закона она всё равно могла продолжить постигать его. Только происходить это будет медленнее и не так эффективно.

"Похоже, культивация этого мира основана на семенах дао. Это же относится и к постижению

дао магических законов".

Ван Баолэ вспомнил магические законы радости и слуха, которые ничем не отличались от закона обжорства. Немного поразмыслив, он ударил себя рукой в грудь. Зажатая в ней пластина растворилась под кожей. Проплыв по телу до дантяня, она трансформировалась в небольшой вихрь размером с ноготь. С появлением вихря его тут же охватило чувство сильного голода. Словно он смог съесть за один присест целую гору еды. Если еды рядом не окажется, то он вполне мог попытаться утолить голод поглощением жизненной силы практиков.

Это чувство было тяжело взять под контроль. Оно было настолько сильным, что простые люди буквально сходили с ума, но Ван Баолэ пока мог держать себя в руках. Погладив себя по животу, он подавил голод, поднял голову и с полуулыбкой посмотрел на управляющую. Под его взглядом её еще сильнее затрясло, а во взгляде появилось неверие. Она плюхнулась на колени и стала биться головой об пол. От страха у неё язык прилип к нёбу.

Отдав катализатор, глубоко в душе она надеялась как-то перевернуть свою незавидную ситуацию. По этой причине она специально не стала рассказывать про побочные эффекты объединения с катализатором. Всё-таки чужаки, которые никогда не сталкивались с ними, не знали, к чему может привести слияние. Это был своего рода секрет Города обжорства.

Когда управляющая объединялась с ним в прошлом, хоть она и не полностью подготовилась, её всё равно накрыл откат, поэтому она считала, каким бы сильным ни был человек перед ними, у него вряд ли получится безопасно слиться с ним, а значит, это будет самый удачный момент для нападения. Но она и подумать не могла, что ужасающий, по её мнению, откат никак не подействует на их противника. Её надежды на освобождение рухнули. И теперь под взглядом Ван Баолэ ей завладело невероятное сильное желание выжить.

— Приберитесь здесь. Завтра мы открываемся.

Ван Баолэ поднялся и взмахом кисти наложил на божественные души четверых практиков незримые путы, после чего направился на второй этаж. На первом располагался ресторан, на втором жилые покои. Прежде чем открыть дверь главной спальни он внезапно сказал:

— Мне нравится музыка. Сегодня вы будете петь до рассвета.

С этими словами он открыл дверь и зашел внутрь. Когда его фигура исчезла наверху, четверо дрожащих людей внизу переглянулись. В глазах друг друга они увидели беспомощность. Внезапно карлик подскочил к толстячку и с размаху залепил ему пощечину.

Толстячок отлетел к стене. Не успел он прийти в себя, как здоровяк безжалостно ударил его ногой. Из рта толстячка брызнула кровь, а сам он отлетел к противоположной стене.

— Ты совсем слепой. Как ты мог привести сюда такого монстра?

Толстяк выглядел неважно. Глубоко внутри он был возмущен подобным обвинением, но парировать его ему было нечем. Всё-таки именно он заманил Ван Баолэ в ресторан.

— Повар прав, ты действительно слепец.

Толстячок пытался подняться, но тут он поменялся в лице. Времени уворачиваться не было. Управляющая возникла рядом с ним и вонзила палец прямо ему в правый глаз, вырвав его из глазницы. Рвущийся из горла крик так и не прозвучал. Карлик у него за спиной зажал толстячку рот с такой силой, что тот не смог издать ни звука. Глазное яблоко управляющая

положила в рот карлику.

— Уведи его и преподай урок.

На фоне расвишаривших повара и карлика управляющая была воплощением спокойствия. Посмотрев в сторону лестницы, она со вздохом принялась петь. Правда голос её слегка дрожал. В песне чувствовались негодование и легкая беспомощность.

Этажом выше в позе лотоса медитировал Ван Баолэ. Он не чувствовал ни злорадства, ни радости от победы. Лишь равнодушие. В ненормальном мире, где властвуют одни лишь желания, нужно быть более жестоким, чем все остальные.

<http://tl.rulate.ru/book/15485/2302363>